

Сухомлина С.П.

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ТАВРИЧЕСКОГО ДВОРЯНСКОГО ОБЩЕСТВА.

Сочетание слов "дворянское общество" романтически ассоциируется с балами, дуэлями и французским языком. Между тем в XIX веке это словосочетание имело и другой, прозаический смысл. Дворянское общество в каждой губернии составляли потомственные дворяне, внесенные в родословную книгу. Члены дворянского общества могли участвовать в работе дворянского собрания, избирать и быть избранными в органы дворянского самоуправления и местного управления, могли рассчитывать на помощь дворянской опеки и определять своих детей в закрытые учебные заведения – иными словами, вполне пользоваться своей принадлежностью к высшему сословию. "Погубернская" организация дворян стала результатом реформы местного управления, проведенной Екатериной II.

Может показаться парадоксальной мысль, что история российской системы государственного управления – это история ожидания реформ, самих реформ и преодоления последствий этих реформ. Каждый из представителей самой неограниченной из европейских монархий если и не пытался осуществить, то во всяком случае мечтал о коренных преобразованиях во вверенном ему государстве. В меру своих талантов и исторических обстоятельств некоторые из них снискали лавры великих реформаторов, как Петр I и Екатерина II, или разочаровались в своих начинаниях, как Иван Грозный или Александр I, или с достойным лучшим применением упорством охраняли существующий порядок, готовя коренное его преобразование секретно, в тиши кабинетов, как Николай I. Эта лихорадочная жажда перемен странным образом сочеталась с желанием сохранить главные основы старой жизни. Такое противоречие принято считать источником неудач любой реформаторской деятельности. Но умеренность – родовое свойство любой реформы, и основная слабость русских реформ не в умеренности, а в непоследовательности и бессистемности. В начале XVIII века Петр I твердой рукой перекроил систему центрального управления. Полстолетия спустя Екатерина II изменила основы местной власти, передав часть полномочий выборным дворянским органам. И те и другие реформы были уместны и своевременны, но плохо соотносились друг с другом и с реалиями российской жизни. В результате возник исключительно сложный и малоэффективный бюрократический механизм. Констатация этого факта стала общим местом исторической литературы. Неповоротливость мощной машины государственного управления была особенно очевидна там и тогда, когда требовались нестандартные решения и новые, не апробированные в политической жизни Западной Европы, подходы. Крым – край нероссийских ландшафтов, законов, обычаев – требовал особенного подхода и отсутствие такового во многом предопределило долгое и болезненное вращение Крыма в Российской империю.

Вряд ли кто-нибудь станет спорить с утверждением, что апрельский манифест 1783 года только обозначил начало присоединения Крыма к России. Примечательно, что случись русским завоевать Крым раньше – в допетровскую эпоху, – может, и проще бы срослись московская и крымская азиатчина. А в конце восемнадцатого века к сердцу принявшие Устав и Регламент русские бюрократы с удивлением сталкивались с ситуацией, когда веками устоявшийся порядок был скреплен только неписанными законами обычного права. Новые хозяева Крыма стремились быть терпимыми, обещав крымским жителям "свято и непоколебимо за себя и преемников Престола Нашего содержать их наравне с природными Нашими Подданными". И можно утверждать, что эти обещания не были пустыми – татарам сохранили их имущество и веру, татарские крестьяне не узнали ужасов крепостного права, а татарские мурзы стали российскими дворянами. Но логика даже самого просвещенного завоевания однозначна – старый порядок должен быть заменен новым. Для власти, так настойчиво демонстрирующей свою заботу о новых подданных, было бы естественно постараться смягчить этот болезненный процесс. Но с сожалением следует признать, что все успехи на этом поприще связаны с деятельностью отдельных лиц, а не с наличием ясной политической программы.

Организация дворянского общества Таврической губернии, правда, на частном примере, но вполне образно иллюстрирует особенности "срастания" России и Крыма. А с другой стороны, исследование этого сюжета позволяет оценить возможности дворянского самоуправления. "Дворянская" тема, в силу известных причин, недостаточно изучена. Особенно это касается деятельности дворянских выборных органов: их реального, а не только юридического положения, их роли в системе местного управления.

Крымское дворянское общество в начале прошлого века было весьма своеобразным. Местный *beau monde* одинаково мало походил как на аристократические салоны обеих столиц, так и на высший свет какой-нибудь из российских провинций. Внешне – это был пестрый союз татар, армян, греков, славян – они уже могли общаться по-русски, но думали, молились еще на своих языках. На русской почве почти все крымские фамилии были новыми. Впрочем, привлечение иностранцев на российскую службу, и соответственно в дворянское сословие, было делом обыденным. Сабуровы и Годуновы, Уваровы и Юсуповы, Глинские и многие другие известные роды были основаны выходцами из татар. Известный историк дворянства XIX века М. Яблочков писал, что "...татарский элемент усилился с ослаблением власти татар и Золотой Орды. Татары толпами поступали на службу к Московским князьям, получали за это поместья и целые города."ⁱ Покоренные казанские мурзы были без исключения включены в состав российского дворянства. В 1575 году Иван Грозный в насмешку над боярами посадил на московский престол служилого татарского хана Саин Булат Булатовича.ⁱⁱ А при царе Алексее Михайловиче любой желающий принять православие татарин получал права природного российского дворянина, – уверяет другой исследователь дворянства фон Коцебу.ⁱⁱⁱ

На этом фоне пожалование крымским мурзам прав российского дворянства не выглядит экстраординарным решением. В комплексе с другими декларациями новой власти по отношению к местным жителям, этот указ

способствовал относительно мирному вхождению Крыма в состав Российской империи. Для включения в состав высшего сословия крымскому татарину достаточно было предоставить письменное свидетельство двенадцати дворян, подтверждающих его благородное происхождение.

Новые дворяне охотно занялись сословным устройством, поначалу даже злоупотребляя своим численным превосходством над дворянами других национальностей. Автор "Исторических рассказов о Крыме" А. Уманец утверждает: "...оставшиеся мурзы вскоре стали употреблять во зло дарованные им права. На дворянских выборах, в которых участвовали и русские чиновники, мурзы, не входя в оценку баллотирующихся лиц, поддерживали преимущественно своих единоверцев и тем самым устраняли способных русских чиновников от должностей."^{iv} Об униженном положении русских помещиков, отстраненных от всех должностей, пишет в своем прошении на высочайшее имя помещик Чернов в 1802 году.^v Впрочем, ситуация нормализовалась довольно быстро. Во всяком случае, в документах открытого (в связи с образованием губернии) в 1803 году Таврического дворянского депутатского собрания засилья мурз в руководящих органах не наблюдается.

Более того. Начиная с марта 1803 года сенатский департамент герольдии, чиновники которого и выносили окончательный вердикт о дворянском достоинстве, постановил принимать "свидетельство двенадцати" только в качестве дополнения к другим письменным доказательствам: свидетельствам или дипломам правительств или монархов или любым другим бумагам, из которых следовало, что предки соискателя были дворянами.^{vi} Постановление это опиралось на введенную Петром I "Табель о рангах" и соответствовало тенденции ограничивать доступ в дворянское сословие. Но при этом игнорировалось реальное положение татарских мурз – пожалованные в российские дворяне Екатериной II, они не могли доказать свое происхождение, так как за редкими исключениями не владели нужными документами.

Очевидно, в Крымском ханстве традиция письменного подтверждения привилегий не была регулярной. В деле о доказательстве благородного происхождения самого знатного после Гиреев рода Ширинских (sic!) сохранились копии немногочисленных документов о земельных и денежных пожалованиях от турецкого султана.^{vii} А что было делать представителям других родов, чьи предки не удостоились султанского внимания? К тому же, всячески поддерживая свой высокий статус – "...едут ли они верхом или идут пешком, они всегда имеют при себе свиту из прислуги", – мурзы исключительно редко соглашались на придворную службу при ханском дворе, предпочитая жить безвестно в своих поместьях.^{viii}

В аналогичном положении оказались представители греческих дворян, проживавших в Крыму. Привлеченные под русские знамена во время русско-турецкой войны 1768-1773 годов, вдохновленные призывами сражаться за свободу и веру, греки составили на собственном иждивении отдельный отряд из восьми батальонов под названием греческого войска. Служили без жалования, участвуя практически во всех сражениях.^{ix} Оказав немалые услуги России, греческие добровольцы не были забыты после окончания войны. Мирный трактат 1773 года предусматривал свободную эмиграцию греков в Россию, а граф Орлов специальным обращением подтвердил возможность такого переезда за казенный счет. Особо оговаривалось сохранение полученных чинов и возможность неограниченного продвижения по службе.^x

Многие из греков воспользовались возможностью продолжить службу и сделать карьеру в России. Среди них был, например, первый губернский предводитель дворянства Таврической губернии – Евстафий Иванович Нотара. Не получивший того воспитания, "которое образует человека светского и обогащает его сведениями, украшающими состояние дворянское", – как сообщали конфиденциально министру внутренних дел князю Куракину, – но "одаренный от природы особенно здравым рассудком и умом тонким и проницательным"^{xi}, Евстафий Иванович заслужил чин статского советника, ордена, 7350 десятин земли и до самой смерти возглавлял дворянство Таврической губернии.

К сожалению, не все его соотечественники использовали представившийся шанс подобным образом. Многие из них оставили службу и теперь вынуждены были доказывать благородство своего происхождения придирчивой герольдии. Герои Чесмена и Наварны были втянуты в бюрократическую круговерть между Симферополем и Петербургом.

Показательным выглядит, к примеру, дело братьев Трандафиловых. Сыновья премьер-майора Константина Трандафилова Сергей и Дмитрий получили отказ герольдии утвердить их в дворянском звании, несмотря на очевидную убедительность своих претензий. Представив традиционное свидетельство двенадцати офицеров – о благородстве рода и поведении Трандафиловых, аттестат о героическом прошлом своего отца, подписанный генерал-майором Борзовым, и свидетельство константинопольского патриарха Килинника о древности выше-названного рода, – братья убедили местное дворянское депутатское собрание внести свою фамилию в родословную книгу Таврической губернии. Однако чиновники герольдии не нашли представленные доказательства достаточно убедительными, не обнаружив сведений о премьер-майоре Константине Трандафилове в делах военной коллегии и бумагах князя Потемкина.^{xii}

Может быть, такие сведения затерялись, может быть, их недостаточно хорошо искали – и сотрудники герольдии юридически обоснованно отказываются признать Трандафиловых российскими дворянами. Обилие подобных отказов затрудняло деятельность местных органов власти и прежде всего дворянского депутатского собрания. Проблема легализации татарского и греческого дворянства была исключительно острой, поскольку представители названных наций и составляли большинство в дворянском обществе Таврической губернии.

Руководство таврических дворян, в лице губернского предводителя дворянства, вышеупомянутого Е.И. Нотара, "предпринимало усилия". Симпатии к соотечественникам-грекам, с одной стороны, и понимание роли татарских мурз в крымской жизни, с другой, заставляли Е.И. Нотара искать выход в рамках своих полно-

мочий. Уже в 1805 году был составлен запрос к министру юстиции князю П.В. Лопухину: возможно ли собранию рассматривать прошения беев, мурз и греков, не имеющих чинов, на основании обычного права (известности народу о них) и включать их в родословную книгу, или обо всех таких особый список представить в герольдию?^{xiii} Ответа не последовало.

В 1811 году было подано прошение губернатору Бороздину от имени Таврического благородного общества магометанского закона с описанием устройства высшего сословия в Крымском ханстве. Авторы этого документа утверждали, что "первейшая степень есть беи, предки которых в прошедших веках пришли в Крым от Волги и привели с собой подвластные им народы... Каждый ... первородный в фамилии наследственно входит в достоинство бея, прочие суть мурзы, посему и выдача на бейское достоинство особых документов не была установлена. Таковых бейских фамилий в Крыму семь. Ширинские, Мансурские, Сиджеутские, Баринские, Аргинские, Кипчатские, Яшлавские." Вторую ступень дворянской иерархии занимали уланы и капихалки, "...роды начальствовавших в древности мужей. Первые из них пришли в Крым от реки Волги, а другие из Кабарды и Анатолии." Уланы и капихалки были служилыми дворянами, занимая чины по военной и гражданской службе при ханском дворе. Отдельно называют ногайских мурз, которые происходили от Эдыге-бея, "владельца многих орд". Татарские мурзы, подписавшие этот документ, жаловались, что те из крымских дворян, которые не сохранили древние документы и на службу не поступили, "остаются безгласными, хотя происхождение их всему народу известно". И просили привести их в известность, записав в родословные книги.^{xiv}

Евстафию Ивановичу Нотаре удалось заинтересовать этой проблемой большого знатока местных условий – Дюка де Ришелье, который, со своей стороны, обращал внимание Петербурга на этот вопрос. (Такие представления известны преемнику Дюка де Ришелье на посту Херсонского военного губернатора графу Ланжерону.^{xv} И так же безрезультатно. Оценивая эти усилия, можно сказать только, что они подготовили почву для более поздних действий и продемонстрировали полную административную беспомощность органов дворянского самоуправления.

Долгое время ситуация сохранялась патовой – местные власти хотели решить проблему, но не могли, столичные имели возможность, но не хотели. Наконец, в 1816 году губернский прокурор Михно при подготовке к очередной ревизии населения задался вопросом: на каком положении остаются крымские мурзы, не утвержденные в дворянстве и не имеющие чинов? Адресовав этот вопрос в Таврическое дворянское депутатское собрание, господин Михно получил вполне откровенный ответ: мурзы, не доказавшие дворянского достоинства и не имеющие чинов, должны быть записаны в податное сословие. Вместе с тем объяснялось неудобство такой записи.^{xvi}

Из юридической проблема легализации таврического дворянства превратилась в политическую. Неудобство лишить дворянского статуса большое количество татарских мурз казалось таким серьезным, что уже 12 июня 1816 года был издан высочайший указ об учреждении комиссии "для приведения в известность дворянских магометанских и греческих родов." Комиссию предполагалось составить из имеющихся дворянских депутатов, муфтия, нескольких представителей знатнейших татарских фамилий, нескольких капихалов и греков.^{xvii} Такой состав должен был гарантировать российское дворянство от проникновения случайных людей, поскольку "первейшие из Таврического сословия" не признают себе равными недостойных. Задача комиссии состояла в оценке представленных документов. И только. Заключение комиссии поступали к губернскому начальству и затем для окончательного решения – в департамент герольдии.

Таким образом, процедура утверждения в дворянстве несколько не упрощалась. Комиссия своей деятельностью должна была дублировать деятельность дворянского депутатского собрания. Единственным оправданием ее учреждения был авторитетный и компетентный состав.

Впрочем, начало деятельности комиссии было обнадеживающим. 23 ноября 1816 года дворяне татарского и греческого происхождения избрали единогласно ее состав. Список избранных украшали фамилии Ширинских, Аргинских, Кипчакских. Губернатор Ливанский в письме к предводителю дворянства Таранову-Белозерову писал: "...я с душевным удовольствием усматриваю то отличное согласие, коим благородное дворянское сословие действовало в произведении настоящего выбора."^{xviii} На нужды комиссии было собрано от 122 соискателей 1075 рублей.^{xix} В адрес комиссии стали поступать прошения не только от крымчан, но и от жителей Одессы, Москвы, Ростова.

Но напрасно говорят, что хорошее начало – половина дела. Комиссия по приведению в известность татарских и греческих родов оказалась мероприятием дорогим и малоэффективным. На 8 января 1817 года была назначена присяга депутатов. Но к этому времени организационные вопросы еще не были решены. Необходимо было набрать штат и решить вопрос с помещением, т.к. на дом дворянского собрания "по малости его и по крайней ветхости" рассчитывать не приходилось.^{xx} В конце концов арендовали дом, отремонтировали его, купили мебель, красное сукно для стола, наняли исключительно дорогого секретаря с жалованием в 2000 рублей, двух его помощников и сторожа.^{xxi} Ежегодный бюджет комиссии составил ни много ни мало – 10880 рублей. Координировал деятельность комиссии губернский предводитель дворянства.^{xxii}

Для решения организационных вопросов потребовался почти год. Только 30 октября 1817 года депутаты смогли собраться. В ноябре разослали повестки соискателям. Весь 1818 год ничего решительного не предпринимали. В письме Херсонского военного губернатора графа А.Ф. Ланжерона к новому предводителю дворянства А.М. Филантьеву содержится строгое требование принять особые меры по исправлению ситуации, когда "комиссия не действует, секретарь опыта по делам не имеет, деньги на комиссию не собраны, депутаты на заседания не являются".^{xxiii}

Филантьев старался. Он беспокоил лиц, ответственных за сбор денег, – ему сообщали, что мурзы из-за засухи находятся в бедственном положении и не могут выплатить недоимки, или вовсе ничего не сообщали. Собранные по Евпаторийскому уезду 800 рублей "затерялись" у депутата Абдулы Мурзы Мансурского. Таврическое дворянское депутатское собрание "строжайшим образом" предписывает уклоняющимся от выполнения обязанностей депутатам являться на заседания комиссии, угрожая в противном случае... пожаловаться вышестоящему начальству.^{xxiv}

Наконец, в марте 1820 года депутаты собрались, а уже в начале ноября этого же года А.М. Филантьев доложил А.Ф. Ланжерону, что комиссия рассмотрела большинство поступивших дел.^{xxv} Такая оперативность объяснялась тем, что в своих решениях члены комиссии руководствовались ясным принципом: при отсутствии других документов считал достаточным свидетельство двенадцати дворян. Интересно, что возвращение к порядку, действовавшему до 1804 года, не было законодательно закреплено, и в качестве обоснования комиссия приводила позитивное на этот счет мнение Дюка де Ришелье и Е.И. Нотары. Всех вновь утвержденных в дворянском звании татар и греков вносили в IV часть родословной книги, в которую записывали иностранных дворян, поселившихся в России. Различия в степени знатности не учитывались. Потомки Гиреев были поставлены в один ряд с "новыми дворянами".

31 января 1820 года комиссию закрыли. Все дела передали в дворянское собрание. Чиновников наградили премиями и распустили.^{xxvi} На начало 1821 года нерешенными оставались только 11 дел. Правда, год спустя А.Ф. Ланжерон, ссылаясь на жалобу жителя Дубосар Бояроглы, интересовался, почему дела рассматриваются так медленно.^{xxvii} Кроме того, выборы 1821 года в Таврическое дворянское депутатское собрание выявили, что многие дворяне по-прежнему не внесены в родословные книги и не могут быть избраны. Но возобновлять деятельность дорогостоящей комиссии не стали. Прецедент утверждения в дворянском достоинстве крымских татар и греков был создан, и проблема таким образом была исчерпана.

Принятие решения ускорило процесс формирования крымского дворянского общества. Многие татарские и греческие дворяне (хотя далеко не все) принимали активное участие в делах своего сословия. Эта совместная деятельность способствовала исчезновению предубеждения и враждебности между русской и татарской знатью, что, соответственно, укрепило доверие всех татар к новой власти.

Открытым остается только вопрос, почему такое очевидное и единственно верное решение потребовало столько усилий. И какую роль центральная власть отводила местным дворянским организациям, если не только не допускала их к принятию решений, но и оставалась глуха к их рекомендациям?

В.О. Ключевский считал, что "...новые учреждения, дав дворянству господствующее положение в местном обществе и управлении, чрезвычайно подняли дух дворянства, но мало улучшили самое управление."^{xxviii} Сам Василий Осипович объяснял это положение особенностями психологии провинциального дворянства – узко и корыстно подходившего к возможности участия в государственном управлении. Скромность представленного нами материала не позволяет подтвердить или опровергнуть авторитетное мнение. Но, по-видимому, существовали и иные причины, которые еще ждут подробного исследования.

ⁱ Яблочков М. История дворянского сословия в России. – СПб., 1876. – С.102.

ⁱⁱ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. – М., Наука. – 1983. – С.195.

ⁱⁱⁱ Фон Коцебу О дворянстве, его происхождении и неодинаковом введении между всеми народами. – М., 1804. – С.34.

^{iv} Уманец А. Исторические рассказы о Крыме. – Севастополь., 1887. – С.18.

^v ГААРК.Ф.24.Оп.1.Д.207.Л.54.

^{vi} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.147.Л.11.

^{vii} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.6549.

^{viii} Тунманн Крымское ханство. – Симферополь: Таврида. 1991. – С.27.

^{ix} Сафонов С. Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклавы.//ЗООИД. – 1844. – N1. С.207-208.

^x Там же.

^{xi} ГААРК.Ф.24.Оп.1.Д.660.Л.2об.

^{xii} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.265.

^{xiii} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.147.Л.47об.

^{xiv} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.476.Л.88-91.

^{xv} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.476.Л.2об.

^{xvi} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.444.Лл.1,1об.

^{xvii} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.476.Л.1.

^{xviii} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.476.Л.54.

^{xix} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.476.Л.41.

^{xx} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.476.Л.65.

^{xxi} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.536.Л.5.

^{xxii} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.476.Л.184 об.

^{xxiii} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.476 Лл.138,138об.

^{xxiv} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.476.Лл.248,249об.

^{xxv} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.476.Лл.390,390об.

^{xxvi} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.681.Л.14.

^{xxvii} ГААРК.Ф.49.Оп.1.Д.680.Л.5.

^{xxviii} Ключевский В.О. Сочинения. – Т.5. – С.363.